

УДК 821.161.1

М. Н. Коннова

**СИМВОЛИКА ВРЕМЕННОГО И ВЕЧНОГО
В СТИХОТВОРЕНИИ Б. Л. ПАСТЕРНАКА «ВОРОБЬЁВЫ ГОРЫ»**

Рассматривается образ времени в стихотворении Б.Л. Пастернака «Воробьёвы горы» и его английском переводе, выполненном Ю.М. Кейде-ном. Внимание уделяется проявлениям имплицитности как категори-ального свойства когнитивной поэтики художественного текста. Цен-

© Коннова М. Н., 2013

Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2013. Вып. 8. С. 111 – 116.

тральный образ стихотворения – праздник Святой Троицы – представляет собой единство двух бытийных планов, времени и вечности. При переводе на английский язык этот широкий вневременной контекст ускользает.

This article deals with the 'time' concept in Boris Pasternak's poem "Sparrow Hills" and its English translation by Eugene M. Kayden. The focus is placed on implicitness as a basic feature of the semantic structure of a poetic text. The poem's main image – Pentecost ("Whitsun") – proves to be a manifestation of eternity in the realm of time. In the English translation, this broad temporal context is lost.

Ключевые слова: время, аксиология, перевод, Б. Пастернак.

Key words: time, axiology, translation, B. Pasternak.

Категория времени имеет смыслообразующее значение для авторской картины мира. При исследовании образа времени в творчестве Б. Л. Пастернака особое внимание следует обратить на проявления *имплицитности* как категориального свойства поэтики художественного текста. Сущность имплицитности «обуславливается особым рода подтекстом, возникающим за счет увеличения смыслового ореола знака, репрезентирующего художественный концепт» [1, с. 114].

В настоящей статье ставится цель рассмотреть языковые особенности выражения аксиологии времени в стихотворении Б. Л. Пастернака «Воробьевы горы» [11, с. 95] и его английском переводе Ю. М. Кейдена («Sparrow Hills») [13].

В поэтической книге «Сестра моя – жизнь» (1917 г.) стихотворение «Воробьевы горы» хронологически и структурно занимает центральное место, являясь ее своеобразной кульминацией. Предельно насыщенное философскими смыслами, оно продолжает раскрывать авторский опыт христианского мировосприятия. Если в первом стихотворении сборника, «Про эти стихи», маркером времени выступает праздник Рождества, то ключевым хрононимом «Воробьевых гор» становится «Троицын день»¹ [14, с. 27].

«Воробьевы горы» открываются восклицанием-призывом, сообщаемым начальной строфе восторженное, восхищенное звучание: «Грудь под поцелуи, как под рукомоиник! / Ведь не век, не сряду лето бьет ключом». Когнитивной матрицей начального стиха – *грудь под поцелуи* – мог стать для Б. Л. Пастернака начальный стих ветхозаветной Песни Песней: «Да лобжет мя от лобзаний уст своих» (Песн. 1: 1)². Предельно насыщенная ценностными смыслами, Песнь Песней, по мысли исследователей, представляет собой иносказание, прообразующее единство Христа и Церкви, рождающейся с сошествием Святого Духа на апостолов в «Троицын день» [5, с. 181]. Водный символизм начального стиха – *как под рукомоиник* – в контексте стихотворения играет роль своеобраз-

¹ Здесь и далее курсив в цитатах наш. – М. К.

² О связи поэтической книги «Сестра моя – жизнь» с Песнью Песней см.: [7, с. 141].

ной отсылки к словам Книги пророка Иезекииля о воде и очищении, читаемой в канун праздника Святой Троицы («Тако глаголет Господь... и окроплю на вы *чистую воду*, и очиститесь от нечистот ваших, и от всех идол ваших, и очищу вы» [Иез. 46: 24, 25]).

Конкретизация, к которой прибегает при переводе на английский язык Ю.М. Кейден, приводит к значительному ослаблению символического начала в стихотворении. Дополнительное введение притяжательных местоимений («*My kisses across your breast*») сужает денотативное поле текста, лишая его вневременной всеобщности. Характерно, что содержащаяся в русском слове *рукомойник* сема «омовения» в английском переводе опускается (*like water from a jug*, букв. «как вода из кувшина»).

В следующем стихе — *Ведь не век, не сряду лето бьет ключом* — эффатические темпоральные словосочетания *не век, не сряду* оттеняют неслучайность происходящего, отделяя привычное течение времени от исключительного — полноты *лета*, открывающейся в этот день. Данный глубинный подтекст ускользает в английском тексте, где наречия *не век, не сряду* передаются антонимически: *they'll have an end, and soon* (букв. «они окончатся, и скоро»).

В ключевом темпоральном образе стихотворения — *лето бьет ключом* — синкретичное слово-символ *лето* становится метонимическим именем новой жизни, открывающейся в день Святой Троицы (ср. далевское *ключ* — «родник... источник, отпирющий недра земли» [4, т. 2, с. 122]). Метафорическая образность этих строк переключается с песнопениями праздника Троицы, в которых благодать Святого Духа уподобляется живительной влаге: «*Источнице жизни веруемый, и струя естественныя благости, Душе Божий Святыи...*» [12].

При переводе полисемант *лето* заменяется узкозначной аналитической конструкцией «*days of summer heat*» (букв. «дни летней жары»), что приводит к обеднению смысловой структуры метафорического образа *лето бьет ключом*.

Завершается первая строфа картиной гулянья в Троицын день «городского простонародья» [3, с. 79]: «*Ведь не ночь за ночью низкий рев гармоник / Подымаем с пыли, топчем и влечем*».

Во второй строфе обновлению мира под воздействием благодати противопоставляется *старость* — символическое обозначение времени жизни души без Бога: «*Я слышал про старость. Страшны прорицанья! / Рук к звездам не вскинет ни один бурун. / Говорят — не веришь. На лугах лица нет, / У прудов нет сердца, Бога нет в бору*». Ценностная семантика передается здесь «от обратного»: повтор отрицательных частиц *не* («не вскинет», «не веришь»), *ни* («ни один бурун»), *нет* («лица нет», «нет сердца», «Бога нет») подчеркивает безжизненность «обезбоженной природы» [3, с. 79]. Отрицательные коннотации существительного *прорицанья* (ср. «*прорицанья древних оракулов*», но «*пророчествования библейских пророков*», «*пророчества о явлении Мессии*» [4, т. 3, с. 505]) и его сугубо негативная оценка (*страшны*) свидетельствуют, что *старость* связывается Б.Л. Пастернаком с дехристианизированным миром. Это подчеркивается метафорическим образом второго стиха: «*Рук к звездам не вскинет*

ни один бурун...», который, будучи созвучен со вторым стихом псалма 140: «*Воздеяние руку моею — жертва вечерняя. Услыши мя, Господи...*», приобретает в стихотворении негативный смысл, усиленный двойным отрицанием («... не вскинет ни один бурун»). *Бурун* («пенистая волна, разбивающаяся у скалистых каменистых мелей» [10, с. 61]) символизирует здесь те волны житейского моря, в стремительном водовороте которого невозможно оторваться от земного и устремиться к небесному («...рук не вскинет...»). Заключительным звеном трехчастной градации «На лугах лица нет, / У прудов нет сердца» становится синтагма «*Бога нет в бору*» — предел отрицания.

Во второй строфе английского перевода широта образного ряда, вводимая абстрактным существительным *старость* («состоянье старого», «ветхость» [4, т. 4, с. 316]), сужается до концепта возраста — *old age* (букв. «старый возраст»). Подлежащее *Бог* интонационно и графически не выделено («*no god in the woods*») и синтаксически тождественно словам *heart* («*no heart within the pools*») и *life* («*no life in the meadowlands*»).

Образ «Троицыного дня» как начала новой, благодатно-кипячей жизни раскрывается со всей полнотой в центральной третьей строфе, где в едином метафорическом образе сливаются земное и небесное: «*Расколышь же душу! / Всю сегодня выпень. / Это полдень мира. Где глаза твои? / Видишь, в высях мысли сбились в белый кипень / Дятлов, туч и шишек, жара и хвои*».

Строфа открывается призывом к пробуждению от равнодушного безверья, выраженным двойным императивом: «*Расколышь же душу! Всю сегодня выпень*». Темпоральное слово-символ *сегодня* вводит в семантическую ткань стихотворения широкий контекст вечного настоящего (временного и вневременного). Словосочетание *полдень мира* символизирует здесь «вершинность» бытия (*полдень* — «середина дня, высшее стоянье солнца» [4, т. 3, с. 50]). Эта метафора становится темпоральным маркером высшего уровня аксиологической шкалы: *полдень* символически отсылает к «полному свету Пресвятой Троицы» [2, с. 11]. Лексема *кипень* («кипящая ключом вода» [4, т. 2, с. 122]), объединяющая семантические элементы воды и жара, имплицитно здесь мысль о силе и полноте жизни. Ключевой метафорический образ «мыслей», «сбившихся» *в белый кипень*, подчеркивает гармоничную осмысленность и совершенство мироздания, устремленного к своему небесному Первоисточнику (*в высях*). Символом светоносного присутствия Святого Духа в преображенной Вселенной становится прилагательное «белый», отражающее в словосочетании *белый кипень* предельную степень насыщенности света и цвета.

В английском переводе этот образ, трансформированный в картину неконтролируемого хаотичного беспорядка, интерпретируется в эгоцентрично-замкнутом ключе обладания жизнью: «*This frenzied day is yours to have!*» (букв. «Этот бешеный день — твой!»). Глубоко символические лексемы «водной» семантики при переводе опускаются (напр., *выпень*), заменяются словами с меньшим образным потенциалом (напр., *расколышь* — *rouse* [пробуди]), либо передаются описательно (напр. *кипень* — *seething bubbles* [букв. «бурлящие пузырьки»]).

В четвертой строфе троекратный повтор синкретичного пространственно-временного наречия *дальше* вводит образ безбрежной, неоглядной дали — устремленного в будущее и пребывающего в вечном настоящем преображенного мира: «Здесь пресекались рельсы городских трамваев. / Дальше служат сосны. Дальше им нельзя. / Дальше — воскресенья». Глагол *служить*, содержащий семантический компонент «священности» (*служить* — «совершать церковную службу» [4, т. 4, с. 24]), оттеняет мысль о том, что «в славословии Творца участвует вся созданная Им вселенная» [9, с. 321]. *Воскресенье* означает не только «возрождение к жизни» [3, с. 9], но и «день вхождения в вечность» [7, с. 407].

Использование при переводе нейтрального глагола *satisfy* («The pines alone must satisfy», букв. «...обслуживают только сосны») придает строфе обыденное звучание. Слово-символ *воскресенье* оказывается прочитанным только в темпоральном, поверхностно-календарном плане как хрононим *Sunday* («It is always Sunday there», букв. «Там всегда воскресный день»).

В пятой строфе «старости» человеческого неверия противостоит открываемая природой живая вера в Живого Бога: «Просевая полдень, Троицын день, гулянье, / Просит роца верить: мир всегда таков. / Так задуман чащей, так внушен поляне, / Так на нас, на ситцы пролит с облаков». Отрицательному *не веришь* второй строфы здесь противопоставляется положительное *верить*, звучание которого усиливается перформативным глаголом *просит*. Олицетворения этой строфы (*просит роца верить, задуман чащей, внушен поляне*) свидетельствуют «о необычном диапазоне видения и о необычно глубокой связи поэта с миром» [6, с. 100]. Бытийно-вневременное утверждение *мир всегда таков* подчеркивает истинность и неизменность мироздания. Глагол *пролит*, родственный церковнославянскому *излияти*, иносказательно указывает на творческую силу Святого Духа, обновляющую мир в «Троицын день»: «Ныне Утешительный Дух на всякую плоть *излияся*...» [12].

В английском тексте аналогом ключевого хрононима «Троицын день» становится слово *Whitsun* («And strewing sunrays, Whitsun, and rambling walks»), являющееся сокращенной формой словосочетания *White Sunday* (букв. «белое воскресенье»). Глубоко символичное, сочетающее семантические оттенки солнечного света и чистоты, имя *Whitsun*, однако не содержит в своей смысловой структуре указания на сущность праздника, столь ярко выразившуюся в русском «Троицын день». Трансформация безличной обстоятельственной конструкции *пролит с облаков* в субъектную *split by clouds* (букв. «пролит облаками») придает стихотворению несвойственную мирозерцанию Б.Л. Пастернака пантеистичность.

Исследование аксиологии времени в стихотворении Б.Л. Пастернака «Воробьёвы горы» свидетельствует о наличии в нем двух планов темпоральности: временного и вечного. Образ «Воробьёвых гор», вбирая в себя всё многообразие мира, земного и небесного, становится для поэта символом Вселенной, преображенной Троицей благодатью. «Троицын день» предстает вершиной временного пространства, *полднем мира* — «светящейся точкой вечности» [9, с. 61]. При переводе на английский язык этот широкий вневременной контекст ускользает.

Список литературы

1. Алефиренко Н. Ф. Событийная синергетика имплицитности текста в лингво-поэтическом освещении // Вестник ТГГПУ. 2011. №1 (23). С. 114–119.
2. Вениамин (Федченков), митрополит. Царство Святой Троицы. М., 2007.
3. Гаспаров М. Л., Подгаецкая И. Ю. «Сестра моя – жизнь» Бориса Пастернака. Сверка понимания. М., 2008.
4. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 1956.
5. Дьяченко Г., священник. Полный церковнославянский словарь. М., 2007.
6. Ковтунова И. И. Поэтический синтаксис. М., 1986.
7. Лосский В. Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. Киев, 2004.
8. Мальцева О. А. Библейские мотивы в цикле Б. Пастернака «Не время ль птицам петь» как структурообразующий принцип // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2012. Вып. 8. С. 137–142.
9. Мечев Сергей, священномученик. Тайны богослужения. М., 2001.
10. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1995.
11. Пастернак Б. Л. Избранное : в 2 т. СПб., 1998. Т. 2.
12. Троица цветная. Пятидесятница // Библиотека святоотеческой литературы : [сайт]. URL: <http://orthlib.ru> (дата обращения: 11.02.2009).
13. Friends & Partners: Linking US–Russia Across the Internet : [сайт]. URL: <http://friends-partners.org/friends/culture/literature/20century/pasternak11.html> (дата обращения: 07.02.2013).
14. Nilsson N. E. “It is the World's Midday”: Pasternak's Poem 'Sparrow Hills' // Russian Literature. 1992. Vol. 31, iss. 1. P. 27–35.

Об авторе

Мария Николаевна Коннова — канд. филол. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.
E-mail: maria.konnova@rambler.ru

About the author

Dr Maria Konnova, Ass. Prof., I. Kant Federal Baltic University, Kaliningrad.
E-mail: maria.konnova@rambler.ru